

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего
образования

«Российский государственный
гуманитарный университет»



О.В.Павленко

2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации

на диссертацию Муравьева Никиты Алексеевича

«Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Диссертация Н.А.Муравьева посвящена анализу таксисных отношений и выражающих их средств на материале примерно 100 языков. В задачи исследования входит выявление параметров, релевантных для типологического описания таксисных форм, и общих закономерностей распределения таких форм в языках мира. В фокус внимания помещен семантико-прагматический аспект таксисной проблематики, и этим, в частности, определяется актуальность исследования: несмотря на общий интерес к изучению глагольной семантики, глагольные средства выражения таксиса рассматривались в типологии преимущественно в формальном ключе.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений (в одном резюмировано распределений таксисных функций в языках выборки, в другом – предложена анкета для исследования таксисных функций), списка сокращений, указателей языков, таблиц и рисунков и списка литературы. Последний насчитывает 200 работ, отличающихся широтой охвата: от общетеоретических исследований в сфере полипредикации до частных грамматических описаний таксисных форм.

В первой главе освещены и критически сопоставлены основные теоретические подходы к исследованию таксиса. Здесь же обозначены исходные положения диссертации, касающиеся методологии исследования, объема рассматриваемого материала, принципов классификации таксисных конструкций и используемой терминологии. Принимаемые решения автор последовательно обосновывает. Особо отмечу проницательное решение выделить в отдельную семантическую зону ограничительное таксисное отношение, а также более частное решение принять за точку временного отсчета зависимую ситуацию, а не главную, вопреки распространенной практике.

Во второй, центральной, главе выделенные таксисные функции продемонстрированы на материале языков выборки. Убедительно показана релевантность описания таксисной зоны на основании четырех параметров: видового ракурса главной и зависимой ситуаций; взаимного расположение ситуаций на временной оси и дискурсивной роли зависимой ситуации. Внутри последнего параметра выделено три значения (фоновая vs. дескриптивная vs. автономная роль в дискурсе), разграничение которых опирается на ряд дистрибутивных критериев. Обращает на себя внимание, в частности, остроумный способ диагностики дискурсивной роли посредством таких прагматически связанных ситуаций, как *есть-чавкать*, *спать-храпеть* и под., из которых первая определяет временную локализацию второй. Оказалось, что формы с таксисной функцией темпоралиса, отличающегося фоновой ролью зависимой ситуации, способны кодировать только локализирующую ситуацию (ср. *есть*, *спать* и под.), тогда как формы с функцией аккомпаниатива, семантически близкого темпоралису, но ассоциированного с дескриптивной ролью, ведут себя противоположным образом.

Результаты анализа автор систематизирует сразу в нескольких направлениях. Во-первых, для каждой из таксисных функций выявлены языки выборки, имеющие соответствующие специализированные формы. Во-вторых, исследованы паттерны полифункциональности таксисных форм. В-третьих, уточнены существующие представления о встречаемости разных таксисных отношений в языках мира.

В третьей главе собраны три более частных исследования, конкретизирующих общую типологическую картину таксиса на материале избранных языков. Особый интерес представляет, как кажется, анализ формы адлимитива в трех финно-угорских языках: адыгейском, мокшанском и горномарийском. Так, перспективной видится идея определять меру полнотности отрицания в составе адлимитивных форм путем сравнения таких форм с семантически близкими неадлимитивными таксисными формами, содержащими отрицание.

В целом, рецензируемая диссертация представляется масштабной по замыслу – трудоемкая семантическая работа с почти сотней языков – и мастерской по исполнению. Несмотря на объемный и разнородный исследовательский материал, диссертацию отличают аккуратность и системность изложения, прозрачная композиция (каждого отдельного раздела и работы целиком), лаконичный и доступный язык. При этом автор не ограничивается задачей описания и классификации таксисных форм в языках выборки (хотя, казалось бы, такая задача сама по себе представляет существенную трудность), но стремится объяснять наблюдаемые закономерности. Так, в большинстве случаев убедительно объяснены ограничения, касающиеся связи таксисной семантики и видового ракурса (ср., например, рассуждение об асимметрии антериориса и постериориса в терминах видового ракурса зависимой ситуации на стр. 113). Сказанным определяется не только теоретическая, но и практическая значимость полученных результатов для дальнейшего изучения таксиса в языках мира. В частности, разработанная в диссертации методология анализа таксисных функций может стать основой для полевых исследований таксиса.

Отмечу некоторые частные недостатки работы.

1. В первой главе оговаривается, что таксисные отношения, хотя прототипически выражаются подчинительными средствами, могут также выражаться сочиненными и соподчиненными конструкциями (стр. 40-41). Этим обсуждение синтаксической стороны вопроса, по существу, ограничивается. Представляется, между тем, что даже при исследовании семантики и прагматики таксисных отношений такое пренебрежение синтаксической проблематикой чрезмерно, поскольку многие из выявленных семантико-дискурсивных различий взаимосвязаны, как кажется, с различиями в синтаксисе. Так, дискурсивное различие между, скажем, постериорисом и темпоралисом, с одной стороны, и консеккутивом, с другой (фоновая vs. автономная роль в дискурсе), на первый взгляд, неразрывно связано с тем, что первые две функции, как правило, выражаются в языках посредством подчинительных конструкций, тогда как обычное средство выражения консеккутива – близкая к сочинительной конструкция с «нанизыванием» клауз. Ту же синтаксическую предпосылку имеет, по-видимому, различие между консеккутивом и постериорисом с точки зрения порядка клауз: строго иконический порядок при консеккутиве (стр.126) и возможность неиконического порядка при постериорисе. Способность некоторых консеккутивных форм к самостоятельному употреблению (ср. данные о языке гусии на стр. 203) также вряд ли независима от их относительно свободного синтаксического статуса. Наконец, само выделение «последовательности» как отдельного таксисного отношения как будто бы производно от того факта, что для выражения этого отношения языки используют особую – соподчинительную – синтаксическую технику. Недаром глагольные формы, относимые в диссертации к средствам выражения последовательности, в традиционных описаниях трактуются или как формы предшествования, или как формы следования (стр. 118). Можно думать, тем самым, что своеобразие этих форм лежит не в семантической плоскости, а в дискурсивно-синтаксической, причем дискурсивная и синтаксическая составляющие трудно отделимы друг от друга. Такого рода взаимосвязи, как кажется, заслуживают хотя бы упоминания.

2. Хотя в целом в диссертации уделено много внимания анализу в терминах дискурсивного статуса, в ряде случаев принимаемые автором решения не кажутся вполне обоснованными. Причиной этого видится то, что недостаточно подробно освещено взаимодействие разных критериев, используемых для диагностики дискурсивной роли. Так, фоновая и дескриптивная роль в дискурсе ассоциируются, соответственно, с препозицией и постпозицией зависимой клаузы по отношению к главной. Но, скажем, в примерах (2.5.31) и (2.5.38), несмотря на предшествование зависимого предиката главному, у зависимой клаузы на семантических основаниях признается дескриптивная роль. Значит ли это, что семантических признаков может быть достаточно для определения дискурсивной роли? Что происходит, если форма с той или иной закрепленной за ней дискурсивной ролью попадает в нетипичную для этой роли позицию – например, форма постериориса, ассоциируемая с фоновой ролью, помещается в постпозицию? Как кажется, упоминание такого рода вопросов прояснило бы логику изложения. Во всяком случае, обращение к русскому материалу как будто показывает, что критерии, используемые для определения дискурсивной роли, не всегда работают согласованно. Так, придаточное с союзом *когда* может употребляться в постпозиции с нисходящим акцентом, маркирующим фокус, ср. *Я вошел/, когда Петя*

уже спал}. На первый взгляд, это свидетельствует о совместимости такого придаточного с дескриптивной ролью. Между тем по другому критерию, задействующему прагматически связанные ситуации типа *спать-храпеть* (см. о них выше), клауза с *когда* как будто ведет себя как исключительно фондовая, ср. *Петя храпит, когда спит* vs. **Петя спит, когда храпит*.

3. Разные таксисные конструкции последовательно проверяются в работе на сферу действия отрицания. При этом учитываются две возможности: рассматриваемая таксисная форма попадает vs. не попадает в сферу действия общего отрицания. Первый вариант ассоциируется с ассертивным статусом зависимой ситуации и, соответственно, с относительно независимой (дескриптивной) ролью в дискурсе. Второй вариант, напротив, характерен для форм с презумптивным статусом и фондовой дискурсивной ролью. Между тем, из теоретических работ про отрицание (см., например, [Падучева 2013: 48]¹) известно, что существует и третий вариант: конструкция, содержащая более одной ассерции, может вовсе не иметь грамматически правильного общеотрицательного эквивалента. Так, в русском языке конструкции с сентенциальным обстоятельством, в том числе нефинитным, часто не имеют общего отрицания, ср. (i) *Олтманс победил власть, доказав, что она нарушала его права человека и журналиста* [НКРЯ] vs. (ii) **Олтманс не победил власть, доказав, что она нарушала его права человека и журналиста*, где (ii) в качестве отрицания для (i) сомнительно. Как кажется, автору следовало бы упомянуть и саму возможность этого третьего варианта, и причины того, почему в диссертационном материале этот вариант не реализовался.

4. При анализе таксисной функции адлмитива автор опирается на работы по русскому союзу *пока*. Однако дискуссионные вопросы, поставленные в этих работах, как кажется, изложены в диссертации небрежно. Так, идея И.А.Мельчука и Л.Н.Иорданской о наличии у *пока* двух значений, из которых одно отличается от другого признаком контролируемости главной ситуации, иллюстрируется примерами, содержащими в главной клаузе как будто исключительно предикаты контролируемого действия (*позвонить, мыть, стучать*). Сбивает с толку и то, что в цитируемых толкованиях главная ситуация обозначена как *P*, а зависимая – как *Q*, тогда как в диссертации принят обратный способ обозначения. Далее приводится пример *Маша проснулась, пока было еще темно*, сомнительность которого со ссылкой на Е.В.Падучеву объясняется, с одной стороны, контролируемостью главной ситуации, с другой – несоответствием значению *пока*, ассоциируемому с контролируемостью. Однако действие *проснуться* как будто трудно назвать контролируемым. Слишком лаконичным кажется и последующее изложение точки зрения о союзе *пока* А.Барентсена. По этой причине не вполне понятен и вывод, завершающий это изложение, об уместности описания обсуждаемых различий внутри адлмитивной зоны в терминах дискурсивной роли. В самом деле, этот вывод как будто переформулирует позицию А.Барентсена. Но последняя касается русского союза *пока*, так что и вывод, как кажется, следовало бы хоть сколько-нибудь прокомментировать на русском материале (а не только на материале типологическом). Наконец, в обзоре работ о союзе *пока* не учтена недавняя статья: Татевосов С.Г. *Заметки о незаметном*

¹ Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: ЯСК. 2013.

отрицании // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2016. — № 10. — С. 312—329.

5. Утверждение о том, что в русском языке «только основы совершенного вида допускают использование постериорного деепричастия» (стр. 98), неточно. Так, в Национальном корпусе русского языка форма *читав*, признаваемая в диссертации неграмматичной, представлена 47 примерами, из которых 10 относятся к периоду после 1930г.

6. В качестве иллюстрации к тому, что контемпоралис, обычно требующий имперфективного видового ракурса зависимой ситуации, иногда допускает и перфективный ракурс, привлекается форма русского деепричастия на *-а/-я* (стр. 80). Отмечается, что деепричастие на *-а/-я*, обычно производное от глаголов несовершенного вида, окказионально сочетается и с глаголами совершенного вида (ср. *идя* vs. *придя*). Однако это замечание не учитывает и даже затемняет тот факт, что формы типа *идя* и *придя* выражают разные таксисные отношения: первая – одновременность, вторая – последовательность, ср. функциональную близость *придя* и постериорной формы *приехав* и отсутствие таковой у *приехав* и *идя*. Тем самым, параллель со случаем контемпоралиса, совместимого с обоими видовыми ракурсами, не кажется корректной.

Повторю, однако, что высказанные замечания носят частный характер и не умаляют достоинств диссертации.

Диссертация Н.А.Муравьева представляет собой зрелое научное сочинение, содержащее новые и ценные факты и обобщения. Рецензируемая работа вносит существенный вклад в типологию и грамматическую семантику.

Основные положения диссертации полностью отражены в автореферате и пяти публикациях по теме диссертации.

Таким образом, диссертационная работа Н.А.Муравьева «Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология» соответствует требованиям пунктов 9-10 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Отзыв подготовлен кандидатом филологических наук, доцентом Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» Пекелис Ольгой Евгеньевной.

Отзыв рассмотрен и одобрен на заседании Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет», протокол № 6 от «17» января 2018 года.

Сведения о ведущей организации: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)

Адрес: 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6

Тел.: 8 (495) 250-61-18

Электронная почта: rsuh@rsuh.ru

Сайт: <http://www.rsuh.ru>

Руководитель Учебно-научного центра
лингвистической типологии
доктор филологических наук, профессор
Подлеская Вера Исааковна

В.И. Подлеская

Доцент Учебно-научного центра
лингвистической типологии
кандидат филологических наук
Пекелис Ольга Евгеньевна

О.Е. Пекелис

23.01.18

Подпись В.И. Подлеской

